

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-472-481

EDN: DZLVNQ

УДК 82-192

Научная статья / Research article

Советское как личное: о песне Михаила Елизарова «Господин Главный Ветер»

О.Р. Темиршина

*Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация
Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль,
Российская Федерация*
✉ o.r.temirshina@yandex.ru

Аннотация. В статье дается интерпретация песни М. Елизарова «Господин Главный Ветер». Показано, что советский культурный код формирует «двойной» лирико-исторический «нарратив» этой песни. Так, на поверхностном уровне в тексте представлен сюжет распада СССР, а на глубинном уровне исторический нарратив кодирует личную драму лирического субъекта. Определить механизмы формирования этого сюжета позволил лингвистический анализ дейктической структуры песни. Было показано, что выявленная в анализируемой песне дейктическая «конфигурация» присутствует и в других поэтических текстах Елизарова, а это позволяет говорить о ее сюжетогенном потенциале. Доказано, что отождествление личной катастрофы и исторической драмы оказывается «топосом» елизаровской поэтики в целом. Интерференцию этих линий на психологическом уровне, по-видимому, обеспечивает общее эмоциональное поле переживания, в рамках которого оба события наделяются высокой эмоционально-личностной значимостью. Отсюда проистекает сложность взаимодействия сфер личного и общественного: «плавающая» точка рецепции приводит к трудности определения доминирующей смысловой линии, ибо личное «прячется» в общественном, а общественное «зашифровывается» личным. Все это позволяет существенно скорректировать бытующее представление о принадлежности творчества Елизарова к постмодернизму и обнаружить иные истоки его творческого метода, связанные с поэтикой Маяковского.

Ключевые слова: советский культурный код, песенная поэзия, литературная традиция

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>.

© Темиршина О.Р., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 февраля 2024 г.; отрецензирована 20 мая 2024 г.; принята к публикации 20 июня 2024 г.

Для цитирования: Темиришина О.Р. Советское как личное: о песне Михаила Елизарова «Господин Главный Ветер» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 472–481. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-472-481>

Soviet as personal: about Mikhail Elizarov’s song “Mr. Main Wind”

Olesya R. Temirshina

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation
Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russian Federation
✉ o.r.temirshina@yandex.ru

Abstract. The article represents an interpretation of M. Elizarov’s song “Mr. Main Wind”. It is shown that the Soviet cultural code forms a ‘double’ lyrical and historical ‘narrative’ of this song. On a superficial level, the text presents the plot of collapse of the USSR; on a deep level, the historical narrative encodes the personal drama of the lyrical subject. A linguistic analysis of deictic structure of the song made it possible to determine mechanisms of formation of this plot. It was shown that the deictic ‘configuration’ identified in the analyzed song is also present in other poetic texts of Elizarov, that allows us to talk about its plot-generating potential. It has been proven that the identification of personal catastrophe and historical drama turns out to be the ‘topos’ of Elizarov’s poetics as a whole. The interference of these lines at the psychological level is apparently ensured by a common emotional field of experience, within which both events are endowed with high emotional and personal significance. This leads to the complexity of the interaction between the spheres of the personal and public: the ‘floating’ point of reception leads to difficulty of determining the dominant line of meaning, because the personal is ‘hidden’ in the public, and the public is ‘encrypted’ by the personal. All this makes it possible to significantly correct the current idea of Elizarov’s work as postmodern and to discover other sources of his creative method related to the poetics of Mayakovsky.

Keywords: Soviet cultural code, song poetry, literary tradition

Acknowledgements and Funding. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>.

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 10, 2024; revised May 20, 2024; accepted: June 20, 2024.

For citation: Temirshina, O.R. (2024). Soviet as personal: About Mikhail Elizarov’s song “Mr. Main Wind”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 472–481. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-472-481>

Введение

М.Ю. Елизаров – писатель, критик, поэт-музыкант – одна из ключевых фигур современного литературного процесса. Елизаров известен в первую очередь своими эпическими произведениями, которые трактуются литературоведами в широком художественном диапазоне: от «грязного реализма» (Беневоленская, 2004, с. 9) до концептуализма и постмодернизма (Меркушов, 2013, с. 227–232).

Песенная лирика Елизарова из-за своей стилистической маргинальности становилась объектом исследования гораздо реже, чем его прозаические вещи, тем не менее, по точному замечанию У.С. Кузнецовой, она представляет собой интереснейший «интертекстуальный, стилистический и жанровый эксперимент» (Кузнецова, 2022, с. 46). Так, в песнях Елизарова обнаруживаются любопытные случаи «переупаковки смыслов», когда песенный текст требует дешифровки в силу того, что в нем сталкиваются малосовместимые с содержательной точки зрения пласты. Именно так устроена песня «Господин Главный Ветер» (написана в 2023 г.), семантическая организация которой и стала предметом данной статьи.

Два сюжета

Песня «Господин Главный Ветер» представляет собой лирический монолог, в котором странным образом сопрягаются любовная и историко-идеологическая темы. Этот факт заставляет трактовать песню либо в лирическом ключе (повествование о несчастной любви), либо в историческом регистре (рассказ о распаде Советского Союза). Любопытен факт живой читательской рецепции этой песни в сообществе Елизарова во «ВКонтакте», где слушатели приводят доводы в пользу обеих интерпретаций. И действительно, на *тематическом уровне* сам текст устроен так, что в избытке дает «доказательства» и для исторической, и для лирической концепции.

Исторический сюжет. Так, из образов и мотивов, связанных с советским прошлым, мы можем «собрать» сюжет, повествующий о гибели СССР. И в самом деле, песня начинается с констатации поражения в войне («отступают войска»), затем появляется образ Ю.Б. Левитана – диктор рассказывает о том, что планы разрушены («похерила нежный наш план») и страна на грани распада («Артиллерия выбита в хлам, / Мы ползем по недавним тылам...») (Елизаров, 2023а).

Кульминация гибели страны представлена в третьем куплете, в котором другой диктор, И.Л. Кириллов, сообщает о смерти Брежнева: «Всесоюзный с колоннами зал, / Даже диктор Кириллов сказал, <...> Это Брежнев вознесся наверх...» (Там же). Факт исторически достоверный: действительно, Кириллов комментировал похороны Брежнева. По-види-

тому, эта ситуация и стала реминисцентным источником песни, ср. из комментариев Кириллова: «Гроб с телом Леонида Ильича Брежнева выносят из Колонного зала...»¹.

Смерть Брежнева ознаменовала начало конца страны. Именно поэтому в финальной части песни Левитан и Кириллов уступают место Малахову, чей образ должен знаменовать новую циничную буржуазную цивилизацию, где во главу угла поставлены товарно-денежные отношения: «Мне Малахов сказал как эксперт, / Отдавая с деньгами конверт...» (Елизаров, 2023а).

Приведенная интерпретация текста (движение страны от социализма к капитализму), кажется, на первый взгляд, убедительной. Однако ее слабость заключается в том, что в песне есть ряд элементов, которые не вписываются в этот сюжет. Это образы и мотивы, связанные с лично-лирической линией. Любопытно, что они не образуют сюжетной конструкции (в отличие от мотивов, соотнесенных с исторической темой), но стран-ным образом осложняют сам исторический нарратив: «разрывают» его, делают несамостоятельным.

Любовная линия. Семантические несоответствия возникают уже в первом куплете песни. Образ отступающих войск, который с исторический позиции можно было бы трактовать как метафору поражения Советского Союза, наделен предикатом «мои» («И мои отступают войска» (Там же)), что сразу же ставит под вопрос трактовку разворачивающегося сюжета как историко-политического. Если бы речь шла только об историческом событии, то следовало бы ожидать местоимения «наши» (ср. «наши войска отступают»). Однако употребленное автором местоимение «мои» как будто *интериоризирует*² внешнюю ситуацию, переводит ее во *внутренний психологический план*.

С личным планом песни связывается и ключевой образ текста – неназванный женский персонаж, фигурирующий в пяти куплетах из шести. О некой женщине говорят Левитан и Кириллов, к ней обращается сам лирический субъект песни, и даже Брежнев гибнет именно из-за нее. Этот образ трактуется негативно, в обценно-сниженном ключе: она «сука», «мразь» и проч.

Мотив душевного сопротивления, выраженный через образ «моих войск» вкупе с отрицательным женским образом явно указывает на любовно-лирическую линию песни. В финальном куплете – а это сильная позиция текста! – мотив неразделенной любви проявляется эксплицитно: «Чтобы драмы моей образец / Был включен в антологию / “Клуба разбитых сердец”» (Там же).

Перечисленные содержательно-тематические элементы не вписываются в обозначенный выше исторический сюжет (и в самом деле, почему

¹ Похороны Леонида Ильича Брежнева – послушать уникальный голос Игоря Кириллова. <https://www.youtube.com/watch?v=r9Tibkxnovw>

² Здесь и далее курсив мой. – О. Т.

Левитан и Кириллов говорят о возлюбленной героя, а Брежнев даже умирает из-за нее?). В связи с этим возникают следующие вопросы: каким образом связаны любовная и историческая линии текста, и можно ли одну из них считать доминирующей? Дать ответы на эти вопросы и проникнуть во внутренний мир анализируемой песни поможет анализ дейктической организации текста.

Система образов и дейктическая организация текста

Для простого лирического монолога песня содержит слишком много персонажей (это, к слову, особенность Елизарова-лирика: сказывается «эпическая» подготовка). Этих персонажей можно разделить на три типа, каждый из которых связывается, во-первых, с набором однородных тем, во-вторых, — с определенным личным местоимением, указывающим на включенность того или иного персонажа в коммуникативную ситуацию.

Первый тип объединяет исторических персонажей песни, которые обозначаются через местоимения 3 лица единственного числа (*он-дейксис*). Рассмотренный выше историко-политический сюжет связывается с образами Левитана, Кириллова, Брежнева, Малахова. Эти персонажи являются героями рассказа от лица лирического субъекта. Соответственно, они, оказываясь элементами нарратива, не включаются в лирическую коммуникативную ситуацию и обозначаются через местоимение третьего лица, которое всегда функционально обособлено «от указания на участников акта речи» (Бондарко, 2002, с. 570). См., например, один из контекстов: «Это Брежнев вознесся наверх, / Он не смог пережить...» (Елизаров, 2023а).

Второй тип представлен лирическим субъектом, который маркируется местоимением «я» (*я-дейксис*). Обратим внимание, что регистру «я» противостоит регистр «он»: «только он-то не я и проблема сугубо моя» (Там же). Здесь лирический субъект противоположен Кириллову, что приводит к «отделению» лирического голоса от историко-идеологического плана, а «моя проблема» (как и «мои войска»!) может указывать на перевод исторического конфликта в психологический, лирический модус. Однако главная особенность «Ich-дейксиса» заключается в том, что «я» всегда включено в коммуникацию.

Третий тип соотносится с самим Господином Главным Ветром и неназванным женским персонажем (*ты-дейксис*). Таким образом, лирический субъект песни, обозначенный через «я», связывается сразу с двумя коммуникативными ситуациями, соотношенными с двумя указанными адресатами. При этом, если первый адресат обозначается полностью (именно к нему в рефренах обращается лирический субъект, именуя его «Господином Главным ветром»), то женский образ остается как будто пустым, он не называется, а дается через местоимение «ты».

По-видимому, главным «участником» моделируемой лирической коммуникативной ситуации оказывается именно этот неназванный женский образ, что подтверждается двумя фактами.

Во-первых, образ женщины-адресата, обозначенный через местоимение «ты» и его формы, появляется в четырех из шести куплетов песни. При этом здесь создается любопытная симметрия: местоимения «ты» нет в *первом* и *последнем* куплетах.

Во-вторых, именно этот адресат одновременно связан с двумя планами: историческим (соотнесенным с реальными фигурами эпохи) и лирическим (предполагающим личную точку зрения субъекта). *О ней* говорят Левитан, Кириллов и Малахов, и *к ней* обращается сам лирический субъект. В результате чего выстраивается сложная повествовательная структура: герой рассказывает нам про Левитана, а Левитан рассказывает про нее, и обо всем этом герой также рассказывает – ей.

Следовательно, женский образ выступает и как коммуникативная инстанция, и как объект рассказа. Таким образом, *она* оказывается своеобразным центром, где сходятся коммуникативные интенции самого лирического субъекта, связанного с любовной темой, и Левитана *со товарищи*, соотнесенных с политическим регистром. В этом смысле именно женский образ сопрягает в единую конструкцию исторический и лирико-психологический пласты: врываясь в чуждый историко-политический план, этот образ как будто «утверждает» доминирование лирической темы.

Такое положение дел снижает значимость советского сюжета, но во все не нивелирует его, ибо не объясняет всех смысловых странностей песни. Так, если в центре песни находится любовная драма, то какую роль в ней играет советский код и почему любовное разочарование приводит к гибели Брежнева?

Где связь?

Если посмотреть на анализируемую песню в широком художественно-биографическом контексте, то связь между сферами лирики и истории проясняется.

Так, писатель неоднократно декларировал свою любовь к советскому прошлому. «Метафизический Советский Союз, – говорит Елизаров, – был фантастически цельной страной. Совершенной страной. Трагедия, что это не воплотилось»³. Ср. также: «Для меня Родина – это Советский Союз»⁴. «Все проблемы, с которыми мы сталкиваемся, – полагает писа-

³ «В чернуху не играю...». Известный писатель отвечает на вопросы «Завтра» // Завтра.ru. 30 октября 2007. <https://zavtra.ru/blogs/2007-10-3171>

⁴ «Для меня Родина – Советский Союз». Интервью с Михаилом Елизаровым // Свободная пресса. 4 января 2017. <https://svpressa.ru/society/article/163723/>

тель, — это результат чудовищной социальной трагедии, происходящей в России. Пока мы будем строить этот уродский капитализм, мы обречены на проблемы»⁵.

В этих высказываниях, взятых из интервью разных лет, обращает на себя внимание противопоставление СССР современному капиталистическому обществу — тема, которая открыто реализована во внешнем сюжете песни «Господин Главный Ветер».

Однако еще более любопытный материал дает художественное осмысление распада СССР, приписываемое персонажам елизаровской прозы. Так, в рассказе «Меняла» страна предстает как жалкое и беспомощное существо, которое *неведомыми узами* связывается с душой главного героя: «Огромный червь, проникший в нежное яблоко книжно-телевизионного вымысла. Не я истекал кровью на том пустыре, а советская художественность — ее опустошенная утроба, из которой я вывалился на свет» (Елизаров, 2023b, с. 247). В рассказе «Госпиталь» снова появляется мотив этой воистину кровной связи: Шапчук, герой повести, рвал карту, и было ощущение, что он разделялся и со «своей шкурой», ибо, разрушая страну, Шапчук разрушал себя (Елизаров, 2023с, с. 352).

Таким образом, страна и человек в художественно-философской картине мира Елизарова связаны нерасторжимыми узами, при этом связь человека и его Родины носит предельно эмоциональный характер. И недаром тема разрушения страны соотносится с мотивом растерзанного человеческого тела (вспомним, что телесное в художественном тексте есть образное воплощение эмоциональной сферы).

И здесь мы подходим к возможному ответу на вопрос о соотношении исторического и личного. Личная катастрофа в песне «Господин Главный Ветер» трактуется в терминах исторической катастрофы потому, что в рамках индивидуального творческого сознания эти трагические факты сопрягаются. Личная и историческая ситуации — буквально по принципу сновидения! — будучи заряженными одной сильной эмоцией, как будто притягиваются друг к другу: распад СССР является личной драмой Елизарова, такой же, как уход/измена возлюбленной. В этом плане *анализируемую песню можно трактовать как своеобразную психодраму, где психика героя уподоблена стране, а внутренние, личностные душевные силы персонифицированы в образах советских деятелей*. Распад целостной страны в таком контексте обозначает предельный душевный разлад личности, который герой не может преодолеть.

Мысль о связи внутреннего и внешнего в песне «Господин Главный Ветер» подтверждается еще и тем, что в других лирических композициях обнаруживаются сходные смысловые структуры. Так, в песне «Рагнарек» также возникает сопряжение онтологического и психологическо-

⁵ «Человек имеет право быть дураком». Интервью Михаила Елизарова // Газета.ру. 29 ноября 2010. https://www.gazeta.ru/culture/2010/11/29/a_3449601.shtml

го, однако здесь оно не находит своего сюжетного выражения, а реализуется только на содержательно-тематическом уровне и в дейктической композиции.

На содержательно-тематическом уровне песни «Господин Главный Ветер» и «Рагнарек» объединяет три мотива.

Во-первых, в этих текстах отчетливо звучит тема несчастной любви. В песне «Господин Главный Ветер» эта тема уходит в подтекст, формируя «второй», лирический сюжет, в песне же «Рагнарек» она обозначена явно: «Ты ушла, и я свободен...» (Елизаров, 2015).

Во-вторых, личная, персональная драма в обеих песнях сопровождается разрушением целого мира: в песне «Господин Главный Ветер» рушится страна, а в песне «Рагнарек» наступает конец света. Так, в последней строфе песни «Рагнарек» звучит тема скандинавского апокалипсиса: «Завыл предсмертно Фенрир / Погибли боги и закончился мир» (Там же). Тема финала появляется и в заключительных строчках песни «Господин Главный Ветер»: «Господин Главный Ветер, / Как видите, делу венец» (Елизаров, 2023а). Здесь необходимо отметить, что Елизаров в своей художественной прозе разрушение СССР осмысляет именно в апокалиптических координатах (ср. метафору из рассказа «Меняла»: «Прежний мир лопнул, как хрупкий елочный пузырь» (Елизаров, 2023б, с. 247)).

В-третьих, в этих песнях возникает тема ухода-побега главного героя от невыносимой ситуации. В песне «Рагнарек» этот побег обозначен явно («А я опять дезертир...» (Елизаров, 2015)), в песне «Господин Главный Ветер» — косвенно, через отсылку к сказке Вениамина Каверина «Летающий мальчик», где ключевым выступает мотив побега. В этой сказке и обнаруживается источник фразы «Господин Главный Ветер, / Я вышел на связь!»: им стал своеобразный заговор, который повторяют герои с целью научиться летать («Господин Главный Ветер... ты слышишь меня?» (Каверин, 1988, с. 357)).

На уровне дейктической композиции песни также удивительно сходны. Так, они имеют двойную адресацию, что отражается в поэтическом дейксисе. С одной стороны, их тексты обращены к некоему внешнему адресату, обозначенному через имя. В песне «Рагнарек» таким адресатом оказывается некий Игорек, которого герой приглашает на «плановую гибель богов» («Ах, Игорек, Игорек / Пошли со мною на Рагнарек» (Елизаров, 2015)), а в песне «Господин Главный Ветер» адресатом выступает сам Ветер. С другой стороны, в них есть и второй адресат — остающийся в подтексте женский образ, к которому также обращен монолог главного героя. В обоих случаях этот женский образ обозначается через «ты»: в «Рагнарек» — «Ты ушла, и я свободен» (Там же), в песне «Господин Главный Ветер» — «Левитан рассказал, / Что ты сука...» (Елизаров, 2023а).

Таким образом, в песнях моделируются сходные коммуникативные ситуации: лирический субъект одновременно обращается к двум адресатам, один из которых назван по имени (персонаж мужского пола),

а другой – женщина – вводится через личное местоимение. Таким образом, две анализируемые песни как будто бы разворачиваются из одной семантической матрицы: на это указывает как их тематическая общность, так и элементы самой композиционной структуры текста. Эта общность, возможно, связана с тем, что в их основе лежит одна и та же психологическая модель, которая застывает в семантической структуре текстов.

Заключение

Итак, в песне «Господин Главный Ветер» возникает «двойной», «лирико-исторический» сюжет: личная трагедия моделируется с помощью исторических образов, а историческая катастрофа оказывается уподобленной личной драме.

Однако у Елизарова в лирических текстах редко бывают прямые аллегории; в этой связи кажется неверным полагать, что исторический сюжет – всего лишь форма, куда механически «вливается» личностный смысл. Специфика этой формы такова, что в ней уже есть некое «остаточное» содержание. Кажется, что Елизаров это содержание не только не затушевывает, но и подчеркивает, что, с одной стороны, ведет к замешательству читателя, привыкшего четко разделять аллегорические планы, а с другой стороны, инициирует слияние личного и общественного.

При этом древняя символическая аналогия «Родина – Возлюбленная» структурно трансформируется, в ней как будто исчезают «швы» между двумя содержательными пластами, и простая аллегория превращается в сложный символ. Подобная нейтрализация смысловых границ между разными смысловыми системами, их *слитность* парадоксально приводит к тому, что при восприятии текста песни они оказываются в известной степени *самостоятельными*. В результате возникает «плавающая» точка рецепции, что приводит к трудности определения доминирующей смысловой линии. *Что является подтекстом чего*: личное прячется в общественном или общественное зашифровано в личном?

Такая техника работы со смыслами ставит вопрос об историко-литературных основаниях лирики Елизарова. На поверхностном уровне «переупаковка» смыслов должна отсылать к постмодернизму (творчество Елизарова действительно часто связывают именно с постмодернизмом сорокинского толка). Однако механическая «привязка» приема к тому или иному направлению/течению в некоторых случаях может быть некорректной, ибо прием должен быть функционально нагружен, ведь он всего лишь средство, с помощью которого достигается некая художественная цель, лежащая в ценностно-смысловой области. С нашей точки зрения, интерференция исторического и личного, описанная в статье, «на выходе» дает вовсе не постмодернистскую ироничную игру, а скорее напоминает установку Владимира Маяковского на утопическое объединение личного и общественного, например, в стихотворении «Письмо

Татьяне Яковлевой». Более того, это парадоксальное соединение личного и социального может вводить и дальше, в эпоху романтизма, но это тема уже другой работы.

Список литературы

- Беневоленская Н.П.* Художественная философия русского литературного постмодернизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2004. 21 с.
- Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
- Елизаров М.* Господин Главный Ветер // Михаил Елизаров. Сообщество читателей и слушателей. 2023а. 27 января. <https://ru-elizarov.livejournal.com/360858.html>
- Елизаров М.* Меняла // Елизаров М. Мы вышли покурить на 17 лет. М.: АСТ, 2023б. С. 240–251.
- Елизаров М.* Госпиталь // Елизаров М. Ногти. М.: АСТ, 2023с. С. 304–355.
- Елизаров М.* Рагнарек // Михаил Елизаров. Сообщество читателей и слушателей. 2015. 26 марта. <https://ru-elizarov.livejournal.com/336791.html>
- Каверин В.* Летящий мальчик / сост. Г.П. Турчина // Конь с розовой гривой. Повести и рассказы советских писателей. М.: Правда, 1988. С. 344–374.
- Кузнецова У.С.* Михаил Елизаров: в диалоге с музыкой и литературой // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 4. С. 44–55.
- Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 9: 1928. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958. 611 с.
- Меркушов С.Ф.* Игра с классикой: литературные мутации в прозе М. Елизарова (на примере текстов «Госпиталь» и «Мультики») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. Вып. 4. С. 227–232.

Сведения об авторе:

Темиршина Олеся Равильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и культуры, Российский государственный социальный университет, Российская Федерация, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1; ведущий научный сотрудник научной лаборатории «Рецепции советского дискурса в русской лирике второй половины XX – начала XXI века», Ярославский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 127006, Ярославль, ул. Каретный Ряд, д. 2. ORCID: 0000-0003-0127-6044. E-mail: o.r.temirshina@yandex.ru